

Margita
FIGULI
1909 – 1995

Маргита
ФИГУЛИ

Вавилон

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.162.4
ББК 84(4Сло)-44
Ф 49

Margita Figuli
BABYLON
Copyright © Margita Figuli (heirs) / LITA, 2017
All rights reserved

Перевод со словацкого
Ирины Богдановой, Юрия Богданова (Книга 1),
Игоря Иванова (Книга 2)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © И. А. Богданова, Ю. В. Богданов,
перевод, 1968
- © И. В. Иванов (наследник),
перевод, 1988
- © Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17199-2

Книга первая

В ущельях ассирийских гор берут начало грохочущие воды Тигра и Евфрата. Зажатые утесами, бездонными ущельями и могучими корнями дерев, они падают со стремнин, с диким ревом устремляются с горных круч севера в долины и неудержимо пробивают себе путь в податливой почве низин, словно торопясь слиться на юге с морем.

Страну, которую заключили в свои объятия Тигр и Евфрат, от незапамятных времен засыпает горячий песок. Здесь, среди сухобылья и чертополоха, человек добывает свой хлеб поистине в поте лица, здесь мается он под бичом жизни и умирает от зноя. Страстно мечтая избавиться от невыносимых тягот, он тешит себя легендами об утраченном рае, куда жаждет вернуться после неисчислимых страданий.

Этим заняты и мысли старого Гамадана. Сидя перед своим глиняным жилищем, он вырезает из куска пальмового дерева фигурку бога Энлиля, который, говорят, создал мир и за ослушание изгнал человека из Земли обетованной.

Погруженный в работу и размышления, Гамадан покачивает головой и обращается к богу с упреками:

— Несправедливо покарал ты нас, владыка жизни и смерти, всеильный Энлиль, бог несокрушимого Халдейского царства. Непомерна кара, насланная тобой на сыновей человеческих за ничтожное ослушание. Слишком долго не смягчается твое сердце из-за такой малости, такой безделицы — посуди сам, — из-за какого-то паршивого яблока с древа познания! Неужто оно доро-

же человека и даже целого народа, живущего в стране между Тигром и Евфратом?

Как отпрыск потомственных воинов, Гамадан и с богом говорил воинственно.

Он желал убедить бога, что тот, создав мир, не сумел мудро и по справедливости распорядиться судьбой первого обитателя райских кущ.

Лицо Гамадана все больше мрачнело, глаза затуманились тревогой. Ему надо было излить душу.

И старик негодуя продолжал:

— Если бы гнев твой поразил пройдоху финикийца или жалкого еврея, паршивого перса или провонявшего бараньим салом ассирийца! Но за что ты так покарал халдея, владыка небесный?

Внезапно его охватило искушение обезобразить священный лик всемогущего Энлиля в отместку за то, что он так безжалостно наказал род людской. Гамадан решил сделать ему длинный нос. Но когда оставалось только выдолбить ноздри в длинном остром носу, старик в ужасе спохватился — ведь к этому идолу будет обращаться с молитвой и просьбами его дочь Нанаи. Гамадан торопливо забормотал заклинания против злых демонов и склонил голову, смиренно моля покровителя халдеев о прощении.

Поддавив усмешку, он беспокойно заерзал на табуретке и, колотя себя в грудь, огласил пространство покаянными мольбами:

— Поверь, сын всесильного солнца и матери-земли, поверь, это не я, это черный демон в крокодиловой шкуре, с когтями дракона, хвостом ящерицы, жалом скорпиона, с козьими ногами, петушиным гребнем и орлиными крыльями подучил меня. Злой демон наущал меня отомстить тебе за род людской, ибо несправедливо обошелся ты с нами за грехи первых людей. Не ты ли сотворил щебет птиц, шум волн и аромат цветов, которые ввели человека в грех? Ты даровал человеку сладостный сон, наполнив ночь чарующими сновидениями, и он не устоял и вкусил от древа познания. Значит, ты виноват

во всем, а человек стал жертвой твоей прихоти. Но поверь, всемогущий, это злой дух наговаривает на тебя, а мое сердце чисто. Это демон, пищей которому служат глина и прах, наущает меня, о высокочтимый, сделать тебе длинный нос.

В знак раскаяния Гамадан укоротил богу нос и поднял фигурку к солнцу.

— Взгляни, бог богов, я не поддался козням злого духа и исправил тебе нос. Я избавил тебя от позора, так отплати мне услугой за услугу. Если ты закрываешь врата рая передо мной, то исполни хотя бы просьбу моей дочери, самой красивой девушки на берегах Евфрата. Сейчас она пасет овец бедного Гамадана, но, если б ее узрели боги, каждый пожелал бы видеть ее своей возлюбленной. Если б о ее красе прослышал царь, он в тот же день взял бы ее к себе во дворец. Если б она появилась на улицах Вавилона, перед ней падали бы ниц, словно перед божественной Иштар. Внемли ее мольбам, сделай так, чтобы ей не приходилось от зари до зари пасти овец, есть сухие лепешки и спать в глиняной хижине. Когда она вечером вернется домой со стадом, ты увидишь, свет солнца, что она прекрасней радуги, воссиявшей после Всемирного потопа.

Чтобы бог Энлиль, владыка жизни и смерти, в самом деле мог ее увидеть, подумал Гамадан, надо поскорей закончить работу, потому что уже перевалило за полдень, а с наступлением сумерек Нанаи пригонит овец домой.

Он подровнял нос и вырезал ноздри. Потом подправил губы и глаза, придав благородства облику божества. Просверлил отверстие в широком и богато украшенном резьбой поясе. Просунул в это отверстие меч — теперь он висел на животе фигурки наискосок. На спине прикрепил орлиные крылья — знак божества. Подстрогал длиннополую рубаху, отороченную густой бахромой, и ремни на сандалиях. Затем развел в плосках краски и раскрасил фигурку. Крылья, шлем, сандалии, пояс и украшения выкрасил под золото. Плащ покрыл красной краской, одежду — голубой, а бахрому сделал жел-

той. Закончив работу, он отнес фигурку в хижину и поставил сохнуть на полку над дверью.

Он убрал и долото с ножом, стружки бросил в огонь под треногу — на ней стоял горшок, в котором варилась рыба, — а плошки с красками залепил глиной, чтобы краски не засохли.

Уходя, он задержал взгляд на постели Нанаи, застланной овечьими и козьими шкурами. Она спала бы в шелках и кисее, если б по вине слабых правителей славный род Гамаданов не пришел в упадок. И жить бы ей не в убогой хижине, а во дворце. Но меч Гамаданов точит ржавчина, и нет у них иного оружия, кроме красоты Нанаи. Только красота поможет Нанаи избавиться от нищеты. Старик с надеждой взглянул на фигурку Энлиля, которому его дочь будет поверять свои тайные желания. Однако для верности и он решил помолиться создателю мира, как только тот обсохнет на полке.

А пока старик порубил в деревянной плошке овощи, истолок в ступке корешки имбиря, снял крышку, высыпал все это в горшок, подгрел угли и прислонил кочергу к одному из кольев, поддерживающих тростниковый навес, который служил защитой от жгучих солнечных лучей.

Когда все было готово, он снял горшок с огня и отлил из него себе, оставив половину для Нанаи. Не заходя в хижину, он тут же съел свою долю, заедая похлебку лепешкой, испеченной на углях. Возле миски Нанаи он положил несколько кусочков ароматных хлебцев, которыми всегда баловал ее, если бывал чем-либо особенно доволен.

На сей раз такой щедростью она была обязана Энлилю — он стоял на полке, переливаясь красками марева над пустыней. Гамадан был доволен делом рук своих и в честь того, что работа удалась, после еды поклонился всем четырем сторонам света, которые издревле принадлежали халдейским богам.

По обыкновению он начал с востока:

— Кланяюсь тебе, всемогущий Таммуз, и благодарю тебя за то, что каждое утро твои незримые руки рассеивают по небу и земле благодатный свет. В его сиянии сошел с моих ладоней бог, создавший меня, и имя ему Энлиль.

Потом он оборотился на запад и сказал:

— Благословен будь, Сакус, приходящий на закате в багряных одеждах вечерних облаков и возвещающий о приближении ночи, когда человек может дать отдых своим членам. В твоих лучах бог Энлиль послал нам прекрасную Нанаи, и теперь он будет пребывать вместе с ней в моем доме.

Поклонился он и северу и сказал:

— О страж ночи, многотимый Син, ты странствуешь по небу и серебришь рощи и воды Евфрата. Ты кропишь росой истомленные цветы и травы. Ты посылаешь людям освежающую влагу и прохладу, умеряющую жар полдневного солнца. По твоему велению моя жена Дагар перешла волнами священной реки в рай, который она заслужила ценой мук и страданий. Нанаи потеряла мать, но отныне вместо матери пребудет над ней покровительство создателя мира, премудрого Энлиля, который пожелал прийти к нам и остаться с нами навеки.

Поклонившись на юг, он сказал:

— Да будет в веках прославлено имя твое, божественная Иштар, чья милость к нам излучается в сиянии утренней звезды Дильбат и в сиянии вечерней звезды Билит. По милости твоей моя дочь подобна тебе, и тело ее напоено ароматом южных ветров. Ты даровала ей синие глаза, подобные горным озерам, в которых растворились небеса. Ты припорошила ее губы сладкой пылью, и речь ее опьяняет каждого, как вино. Ты наделила ее мудростью, какой не встретишь у человека из глиняной хижины, и оттого смиловился Энлиль и пришел сюда, чтобы воздать ей по достоинству.

Ему казалось, что теперь-то уж боги не смогут отвергнуть просьбу, которая вознесется из его хижины. Они заступятся за него и перед самим Энлилем, если тот вдруг

окажется не в духе. Чтобы избавиться от последних сомнений, старик воскликнул:

— Великие халдейские боги, ваша мудрость бесконечна и несокрушима, подайте же знак, что я услышан вами.

Он настороженно замер, напрягая слух и всматриваясь в горизонт. Потом заговорил еще прочувствованнее:

— Явите мне знак и тем осчастливьте бедного человека, последнего потомка славного рода, никогда не скупившегося на жертвы во славу богов и родины. Я стар и не могу доказать вам свою преданность в бою, но, смиренно припадая к вашим священным стопам, я даю обет добровольно жертвовать чашу оливкового масла в первый день каждого месяца и раз в году приносить на ваш алтарь самую жирную овцу. И пусть тело мое покроется язвами, если я нарушу клятву.

Не успел он договорить, как на мусорной куче позади хижины заголосил петух. Он закукарекал во все горло, так что эхо разнеслось далеко по всхолмленной равнине вдоль Евфрата и потерялось где-то в окрестных рощах.

Гамадан упал на колени и принялся колотиться лбом о землю. Сбивчивый шепот и бормотание приглушала его спутанная борода, за густыми усами не видно было шевелящихся губ. Выпрямляясь, он поднимал взгляд к небу и, кланяясь, опускал его.

Петух же продолжал весело копошиться на мусорной куче, даже не подозревая, что боги избрали его вестником надежды. Он нашел рыбные кости и кукарекал, радуясь.

Наконец Гамадан встал и направился в хижину. И вдруг его охватило беспокойство — не оставил ли бог богов его глиняную хижину за то, что он просил помощи у других небожителей. Но он утешил себя тем, что боги, вероятно, не так обидчивы, как люди. И не обманулся — Энлиль спокойно стоял на своем месте, и, когда Гамадан взял его в руки, ему даже почудилось, что бог улыбнулся.

Чтобы всемогущий знал, чего ждут от него в этом доме, Гамадан положил его на постель Нанаи и пояснил, что ночью на этой постели выскажет свои тайные желания его дочь. Здесь он может внимать ей.

— Когда ты узнаешь ее, ты не откажешь ей, — уверял его Гамадан. — Ты захочешь сделать для нее все, едва услышишь ее первое слово. Я знаю, — доверительно рассказывал Гамадан, — что Нанаи не нравится жизнь в родной деревне, деревне Золотых Колосьев. Однажды я убедился в этом окончательно. Как-то душевной и тревожной ночью я не мог уснуть. Не спала и Нанаи. Сквозь отверстие в крыше она смотрела в небо, глубокое, как дно Евфрата в сумерки, а звезды были точно капли росы на листьях древа жизни. После полуночи повеяло ветром с севера, и дневная духота сменилась ночной прохладой. Я открыл двери и завесил вход тростниковой сеткой. Домик наш наполнился свежестью, и вскоре Нанаи крепко уснула. Вдруг я услышал ее шепот, и мне захотелось узнать, что она говорит. Поднявшись с постели, я приблизил ухо к ее губам. Она шептала: «Вавилон, Вавилон». Дыхание ее было горячим, в голосе слышалась мольба. Я тотчас понял, что она грезит о Вавилоне. Вавилон, город пышных дворцов и золотых крыш, ее мечта. Мне так хочется помочь ей, но ты, владыка неба и земли, ты поймешь, что Гамадан здесь бессилен, и потому я вручаю ее судьбу тебе.

Старик страстно заклинал верховного бога и даже не заметил, что фигурка еще не совсем обсохла и он размазал краски, — идол принял новое обличье, его мантия стала пестрой, как одежда жителя пустыни — араба. Внутри хижины и в ясный полдень царил полумрак — окно завешивали от жаркого солнца, — и Гамадан слишком поздно заметил, что стало с одеждой Энлиля. Надо было немедленно исправить оплошность, чтобы странный наряд не огорчил и не разгневал бога.

Старик выбежал из хижины, но в ту же минуту на мусорной куче снова запел петух. Гамадан пришел в ужас. Он не сомневался, что это подал знак всевышний.

— Я не хотел оскорбить тебя, Энлиль, — оправдывался он. — Пощади и помилуй. — Гамадан поднял взгляд к небу. — Я повешу тебе на грудь цепочку из чистого серебра, единственную память о покойной жене.

Петух закукарекал опять.

Лицо Гамадана прояснилось, он побежал за красками, торопясь раскрасить фигурку заново, словно рассчитывал получить за это отпущение грехов.

Он макал кисточки в глиняные плошки и накладывал краски точно так же, как вначале.

Под тростниковым навесом на пальмовом поленце стоит Энлиль, а перед ним коленопреклоненный Гамадан. Старику осталось сделать всего лишь несколько мазков на пурпурном плаще бога.

Дело почти сделано, надо только открыть небольшой ларец в стене и достать серебряную цепочку, обещанную владыке мира. Может быть, он посулил лишнего? Но не торговаться же с богом, словно с купцом на сиппарском базаре. Нельзя отступать, коли обещал. Как сказал, так сделает.

Внезапно за хужиной поднялся шум, с громким кудахтаньем куры бросились врассыпную. Большой красный петух перелетел через навес, едва не опалив себе крылья над жаровней и подняв целое облачко золы. Гамадан вскочил и заметался, заслоняя фигурку.

Во дворе громко залаял, а потом протяжно завыл пес.

Так он встретил появление Набусардара, верховного военачальника царской армии, который примчался на колеснице, переодетый простым воином. Набусардар охотился за персидскими шпионами, которые шныряли в окрестностях Вавилона и сеяли смуту среди местных жителей. Шпионы собирали сведения об армии царя Валтасара и настраивали против него население. Военачальникам тайной службы до сих пор не удалось поймать на месте преступления ни одного перса, и потому полководец царя втайне от всех решил заняться этим сам.

На колеснице, запряженной парой лошадей, он вошел во двор Гамадана, переполошив всех кур. Кош-

ка, сидевшая на заборе, ошетибилась, но не тронулась с места. Набусардар подошел, чтобы привязать вожжи к колышку рядом с ней, и дунул ей в глаза. В ответ она зашипела, но продолжала сидеть, предостерегающе выпустив острые когти.

— Ты угадала, — сказал он ей, закладывая вожжи и потрепав за холку усталого коня, — мне всегда были по сердцу кошки, которые царапаются, а не ластятся. Взять, что ли, тебя в Вавилон, хоть ты беспородная и нет у тебя родословной? А то вавилонские кошки совсем разучились царапаться. Они умеют только ластиться, а это противно. Видно, берут пример с вавилонских женщин, которые скоро станут совсем несносными.

Кошка фыркнула, замахнувшись на него обеими лапками, и оскалила мелкие острые зубы.

— Ты мне все больше нравишься. — Военачальник поддразнивал кошку, не забывая, однако, что времени у него в обрез и надо торопиться. Хорошо бы узнать, кто здесь живет и не встречал ли он шпионов.

«Ш-ш-ш!» — зашипела кошка, сердито глядя на воина.

Он вытер потный лоб, расстегнул короткий кожаный нагрудник, вытащил из ножен меч и направился к дому.

Старый Гамадан суетился вокруг деревянной фигурки. Со стороны казалось, что он танцует, коротая время за этим нехитрым развлечением.

Верховный военачальник приглядывался к нему, потом, как раз когда Гамадан прицелился снять кисточкой пепел с бороды Энлиля, решительно шагнул к нему и крикнул:

— Что делаешь, старый дурак?

Гамадан вздрогнул и, вместо бороды мазнув кисточкой кончик носа, оставил там небольшое пятнышко.

Он пробормотал торопливо, боясь промешкать с ответом:

— Я Гамадан, господин.

— Не хочешь ли ты сказать этим, что ты не дурак?

— Да, господин.

— Ты себе на уме и отвечаешь, словно продувной финикиец. Ты халдей?

— В крови нашего рода нет и примеси крови ино-
племенников.

— Так ты халдей?

— Да, господин.

— Ты за царя или против него?

Нежданный вопрос привел Гамадана в замешательство, и он растерянно уставился на гостя.

Собравшись с мыслями, он уже готов был ответить, что за царя, но его опередил новый резкий вопрос воина:

— За персидского или халдейского?

— Ты подобен урагану, господин, — наконец обрел дар речи старик, — ты вырываешь из меня слова вместе с языком. Ты стремителен, словно орел, и, конечно, отважен, как лев. Если бы я был его величество царь Валтасар, я бы сделал тебя своим верховным военачальником.

— А если б ты был его величество персидский царь Кир? — наседал на него воин.

— Заклинаю тебя семью демонами, господин, — вскипел Гамадан, — наш род сердцем предан родине, а сам я сражался в армии Навуходоносора. Брат мой, да славится его доблесть в стране богов, погиб во время мятежа аммонитян. Мой племянник верой и правдой служил у Набусардара, прекрасного полководца вавилонской армии.

— Попадись в мои руки бич, — нахмурился военачальник, — ты получил бы не меньше десяти ударов. Разве о воине подобает говорить «прекрасный», словно о капризной девице? Скажи лучше — сурового, жестокого или храброго и доблестного полководца. А то — «прекрасный»!.. — недовольно заключил он.

— Ох, господин, — смиренно ответил Гамадан, взывая к его рассудку. — С меня довольно тех ударов, которые я терплю по милости судьбы.

Набусардар окинул взглядом жалкое одеяние старика и через прореху в рубахе заметил волдыри солнечных ожогов. Гамадан прижимал к себе фигурку Энлиля, ища его заступничества.

— Что это ты держишь?
— Бога, который создал меня, — ответил старик.
— Бога, который создал тебя? — расхохотался Набу-сардар. — Бога, которого создал ты, дурень. До каких пор халдейский люд будет тратить время на идолов и поклоняться дереву и камню?

— Да покарают тебя боги! Ты оскорбляешь создателя мира, который избрал своим приютом глиняную хижину бедного Гамадана. Или тебе хочется, чтобы на царство обрушилось несчастье? Хочется, чтобы Энлиль обнажил смертоносный меч и убил тебя тут же на месте?

— Да, я хочу сразиться с ним! — вскричал воин и энергично сжал рукоять меча. — Я хочу помериться с ним силой, — насмешливо улыбнулся он и шагнул к фигурке бога.

Он взмахнул мечом.

— Остановись, господин, если не хочешь, чтобы Энлиль в ту же минуту поразил твое тело проказой!

Но голова идола уже отлетела далеко в траву.

Гамадан запричитал:

— Несчастье постигнет Вавилон, господин. Всесильный Энлиль отвернется от этого города, за то что ты надругался над ним.

— Перестань хныкать, от этого у меня вскипает кровь, и я не ручаюсь за силу, которой наливается рука. Я прихожу в ярость, когда вижу, до чего дошли мужчины Вавилонии. За последние двадцать лет после смерти Навуходоносора вы изнежились, как вавилонские кошки. Вы не мужчины, а тряпки. Если враги нападут на царство, лишь немногие из вас смогут сражаться, остальные разбегутся, как твои куры при виде моей колесницы.

— Ну нет, — загорячился Гамадан, — халдеи не раз доказывали, что никто в мире не сравнится с ними в доблести и в любви к родине. Пусть Вавилон прикажет — и ты убедишься в этом.

— А разве Вавилон не приказал уже переловить персидских шпионов и истребить их, как собак, без суда и приговора?

— Приказал, господин.

— А вы? Укрываете их в своих лачугах и слушаете их кошунственные речи против царя.

— Верно, они здесь шныряют, как собаки, но мой дом обходят стороной, так как им известно, что я предан его величеству царю Валтасару телом и душой. Разве я веду себя не так, как подобает халдею?

— Этого мало, Гамадан, — возразил полководец. — Ты обязан заманить их в ловушку, а потом выдать властям. Этого ждет от тебя родина.

— Мне не расположить их к себе. Они знают здесь всех. Они не осмелятся зайти в мой дом, сочтут отравленным мой хлеб. Как еще я могу их заманить?

— Нет ли в твоём доме женщины? Это лучшая приманка для пришлых солдат.

Гамадан задрожал. Нанаи — его единственная радость, неужели швырнуть ее персидским собакам?! Он представил ее себе среди деревьев в Оливковой роще, а с нею рядом ее белых овечек. Порхают птицы и бабочки, и она провожает их взглядом, с улыбкой, подобной медоносным цветам. Нет, не может он пожертвовать ею.

Он припал к стопам воина.

— Лучше убей меня, как паршивую тварь, но не требуй непосильных жертв! Это убьет мое старое сердце.

— Ты говоришь о жене или о дочери?

— Жены у меня уже нет. По зову великого Сина она перешла по водам Евфрата в рай.

— Значит, о дочери?

— Сжался, — умолял он, припав губами к ногам полководца, — будь милостив, коль ты не бог и не царь. Будь милостив! Я знаю, тебе надлежит воздать почести, и я воздаю их тебе. Хотя ты переоделся, я угадал в тебе военачальника из тайной службы. Но будь же милосерден!

— Речь идет об отечестве, Гамадан, и многие убеждены, что оно в опасности. Если разразится война, она унесет тысячи лучших сынов Вавилонии. Выдержит ли это твое старое сердце? Заменит ли даже тысяча жен-

щин одного хорошего воина? Я же требую от тебя всего одну-единственную.

— Это выше моих сил, господин. — И Гамадан покорно склонил голову, стоя голыми коленями на раскаленном песке.

— Встань, Гамадан, — решительно приказал Набусардар. — Если ты служил в армии Навуходоносора, то знаешь, что такое мужчина, и тебе надлежит знать также, как поступить, когда царь требует от тебя действий. Если через две недели ты известишь меня в Вавилоне, что тебе удалось поймать соглядатаев варварской страны, его величество царь Валтасар пожелует тебя слитком золота величиной с твоего Энлиля, которого я обезглавил.

Не подымаясь с колен, старик смотрел полководцу в лицо. Острие Набусардарова клинка ослепительно сверкало на солнце. Гамадан помнил, что закон требует казнить каждого, кто ослушается царского приказа... Он стиснул зубы, чтобы не проронить ни слова, которое могло стать последним в жизни.

Набусардар застегнул нагрудник, укрепил меч на ремне, перекинутом через плечо, и добавил:

— Итак, ты передашь с кем-нибудь или сообщишь сам. Лично мне.

Вытащив из потайного кармашка на поясе золотую цепь, он бросил ее к ногам Гамадана.

— Отдай это своей дочери за утрату чистоты.

— Кто же ты, господин? — еле выговорил старик.

— Сохрани это в тайне, если тебе дорога жизнь, — строго ответил ему воин, — я Набусардар, верховный военачальник армии его величества царя Валтасара.

— Смилуйтесь, великие боги! — И Гамадан пал ниц.

— Разве я бог, что ты поклоняешься мне?

— Живи вечно, непобедимый Набусардар, и да предаст забвению Энлиль твое кошунство и то, что ты накликал беду на дом бедного Гамадана.

— Довольно причитать! К тому же мы в Вавилоне поклоняемся Мардуку, а не Энлилю. — Он сказал это с явной иронией в голосе.

— Да хранит тебя Мардук и да сопутствует твоему войску удача! Через две недели я доставлю тебе в Вавилон весть о персидских шпионах. А от моей дочери — да будет тебе известно, что чистотой она превосходит облака, изливающиеся на нас благословенным дождем, и красотой — священных голубей в кущах божественной Иштар, — прими благодарность за твой подарок.

Гамадан был не в силах продолжать, у него перехватило горло и губы шевелились беззвучно. Помутневшим взором он вглядывался в горизонт и перебирал в руках золотую цепь — награду для Нанаи за ее позор.

Полководец обогнул хижину, направляясь к своей колеснице.

— Живи вечно! — напутствовал его Гамадан.

Прощаясь с Набусардаром, он выронил драгоценный подарок, который со звоном упал к его ногам. Вид золота не приносил успокоения, а мысль, что нежной и милой Нанаи суждено стать приманкой для варварских солдат, была невыносимой. Для того ли Иштар создала ее такой красавицей, чтобы над ней надругались паршивые персы? Или нет у царя многотысячной армии, способной отстоять Вавилон, и Халдейское царство должна спасать дочь Гамадана? Разве допустил бы Навуходоносор, чтобы честь его армии защищала женщина?

После долгих раздумий он прошептал:

— Этого требует от тебя, Гамадан, не родина, а слабый царь и его обабившаяся армия, растерявшая последние крупницы воинственного пыла. Законы Вавилонии призваны защищать от насилий, но одно слово царя отменяет решения суда и все законы. А воспротивишься — тебе пригрозят отсечь голову за неповиновение. И нет законов против насилий, чинимых царем.

За такие слова Гамадана ждала смертная казнь. Но он не думал о себе. Перед его взором была только Нанаи, бродившая со своим стадом где-то в Оливковой роще, не предчувствуя ничего дурного.

Она не знала, что именно в этот миг во дворе ее отца Набусардар разворачивает свою колесницу. Не знала,

что он купил ее за золотую цепь, какими забиты подвалы царского дворца в Вавилоне. Не подозревала, что в последний раз свободно дышит этим воздухом и протягивает руки к бабочке, к высокому небу, которое в эту пору сияло, как и ее глаза, бездонной синевой.

Такой мысленно видел ее и Гамадан, когда лошади стремительно вынесли Набусардара со двора. Под грохот колес старик в знак печали рванул на себе холщовую рубаху от ворота до самого пояса: в душе его боролись протест и сознание собственной беспомощности. Так и стоял он на коленях, покуда вдали не замолк на пыльной дороге стук колесницы.

Колеса военной повозки Набусардара вздымали клубы пыли. Песок хрустел под копытами лошадей, которые, точно вихрь из арабской пустыни, бешено неслись по дорогам и, разъяренные зноем, высоко вскидывали передние ноги.

Металлический шлем на голове полководца впивался в кожу раскаленным обручем.

Язык прилип к гортани, губы казались устьем адской печи. Он истосковался по воде, жаждал хотя бы глотка влаги, но тело пронзали одни лишь палящие лучи, и солнце дышало зноем жаровни.

Полководец объехал несколько дворов в деревне Золотых Колосьев, завернул в две соседние деревни и в поселок на пути. Он не встретил ни одного из этих хитрых персов, поездка была напрасной. Повсюду он слышал то же, что и от Гамадана, — или что они бродят здесь стаями, как собаки, или что не осмеливаются даже показываться на глаза. Но среди деревенского люда встречались и такие, которые явно что-то скрывали и, призывая в свидетели всех золотых, серебряных, бронзовых и деревянных богов Вавилонии, клялись, что они не только не видели, но даже и слышать не слышали ни о каких персах. Эти внушали подозрения. Набусардар был уверен, что больше всех запираются те, кто в душе ждет спасения от Кира, царя персидского, царя индийского, ца-

ря лидийского, в своем тщеславии уже считающего себя будущим повелителем могучего и великого Халдейского царства.

Набусардар насмешливо повторил вслух:

— Кир, будущий повелитель могучего и великого Халдейского царства!

Он хлестнул лошадей по лоснящимся спинам и расхохотался прямо в лицо огнедышащему солнцу, громко и вызывающе. Эхо покатилося за отлогие каменистые холмы, покрытые редким кустарником, до самого горизонта. Мысль о Кире вызывала в нем все новые приступы смеха, в котором находили выход душившие его ярость и сознание собственного бессилия.

Через две недели царь созывает государственный совет, который решит — считать ли, что персы угрожают существованию и величию Вавилона, или объявить растущую мощь Кира, покорившего все соседние народы, плодом больного воображения варвара, одержимого военным безумием.

Набусардар хочет внушить совету, что при всем могуществе Халдейского царства необходимы меры предосторожности против обнаглевшего персидского шакала, чтобы он не сеял смуту среди халдейского люда. Иначе халдеи, чего доброго, поддержат Кира, видя в нем долгожданного избавителя от власти жрецов и царя, и обратят оружие против столицы Вавилонии, от которой они терпят наибольшие притеснения. Народ жаждет свободы, хлеба, хочет иметь землю, права. Все это сулят ему персидские смутьяны, которых надо гнать из царства и закрыть им доступ в него. Набусардар уже предлагал царю разместить по стране военные отряды для защиты ее от опасности. Царь было согласился, но жрецы вавилонского Храмового города, жрецы Эсагилы, противятся этому; по их мнению, вполне достаточно защиты бога Мардука. Они призывают народ усерднее жертвовать богам и тем избежать новых поборов на содержание воинских постоев. Набусардару давно известно, что жрецы настроены против него. Что ж, вскоре они узна-

ют, что и он против них. Довольно терпеть их подлости, скрывать свою ненависть к ним. Либо они, либо он. Падут они — победит Вавилония. Падет он — победит Кир, персидский волк.

Эсагила ослеплена жадностью. Символом ее веры стало накопление сокровищ в подвалах и башнях Храмового города. Ради обогащения она не брезгает ничем и как никто грешит, прикрываясь именем богов. Вместо любви и блага она плодит пороки. Призванная сеять жизнь, она повсюду сеет смерть. Халдейский люд задыхается под бременем поборов. По ее прихоти лучшие сыны Вавилонии гибнут на рытье каналов. По ее приказу чужеземцы бесчестят будущих матерей Вавилонии. А она называет это волей великих и мудрых богов. Едва кто-нибудь встанет на пути Эсагилы, жрецы заявляют, что великий Мардук, верховный бог Вавилона, жаждет испить его крови. Жрец пронзает обреченному глотку на жертвенном алтаре, и тот уже убран с дороги. Имущество покойного отходит храму. Народу объявят, что создателя мира умилировала эта жертва. Но может ли бог, творец всего живого, требовать смерти безвинных? Это делается для того, чтобы обирать народ и умножать мощь Эсагилы. Жрецы поэтому и не соглашаются на рассылку по стране сторожевых отрядов, им неохота раскошеливаться на их содержание. А народу они твердят, что Вавилония — владение богов, и потому нет причин для опасений, боги, мол, не допустят, чтобы их собственностью завладел чужой. Изнеженная вавилонская знать считает этот довод Храмового города неопровержимым. Она верит жрецам и валом валит в святилище Мардука, Эсагилу, заваливая его алтари бесценными жертвоприношениями и дарами. Жрецы потом тайно уносят их в каменные подвалы храмов.

Царь сумасбродничает, среди сановников разлад, и верховный военачальник армии бессилён вбить в головы вельможам мысль об опасности, которой надо противопоставить военную мощь, а не жертвоприношения богам.

Решение совета во многом зависит от того, сумеет ли Гамадан или кто другой поймать персидских шпионов. Если да, то, возможно, удастся убедить хотя бы сановников и привлечь на свою сторону большинство против Эсагилы. Другого исхода нет — иначе могущественнейшей державе мира конец.

Гамадану он обещал большую награду. Царь, конечно, не откажет ему в этом, он соглашается со всем, что делает Набусардар. Ведь Набусардар не только верховный военачальник его армии, но и советчик царя; правда, эту роль должны бы исполнять жрецы, однако царь доверяет Набусардару больше, чем кому бы то ни было. Валтасар ни во что не ставит жрецов, хотя сам является смиренным служителем богов. Он сын богов, их наместник на земле и, мол, не нуждается в посредничестве жрецов. Он верит, что сами боги наделили мудростью его державную голову и что мудрость, которой отмечен он, боги не посылают простым смертным.

То, что царь Валтасар лишил жрецов своей милости и не стал их орудием, как его отец, царь Набонид, облегчает задачу Набусардара. Однако поединок царя с Эсагилой еще не выигран, и сила жречества по-прежнему несокрушима.

Эсагила не желала понимать, что интересы государства важнее бездушных идолов. Что борьба за золото между жрецами святилища Мардука, семиэтажной башни Этеменанки, и царским городом должна отступить на задний план, когда державе грозит опасность извне. Всем, кто населяет земли меж Тигром и Евфратом, надо теперь сплотиться и покончить с недоразумениями, которые сеют в стране междоусобицы. И только наиболее влиятельная часть жителей Вавилонии, могущественные и жестокие жрецы не желают этого понять.

Нет сомнения в том, что Кир, завоевав Мидию и Лидию, нападет и на Халдейское царство со столицей Вавилон, потому что его разумом завладел чудовищный план — объединить под своей властью все народы Азии.

— Под своей властью, — засмеялся Набусардар, — Кир — владыка мира!

В раскатах смеха клокочут гнев и злость. Этот резкий, иступленный хохот подобен яростному галопу его коней и мыслей.

Жрецы уверяют народ, что Халдейское царство несокрушимо и что у Кира неостанет дерзости пойти войной на его богов. Уже теперь видно, как Кир страшится Вавилона и его богов! Лидия в свое время заключила с Вавилоном договор о взаимной помощи, а Кир захватил Лидию, и договор с Вавилоном не остановил его.

Жрецы твердят народу, что Халдейское царство, связанное соглашением с Египтом, в случае опасности может рассчитывать на помощь фараона. Однако и Иерусалим имел соглашение с Египтом, фараон же направил свою армию только тогда, когда от Иерусалима не осталось камня на камне. Да и кто поверит Египту и его лукавым правителям?

Жрецам не мешало бы знать, что Вавилония лишь тогда будет несокрушимой, когда сможет опереться на военную силу.

Размышляя таким образом под ровный бег скакунов, Набусардар поймал себя на мысли, что его ненависть к Эсагиле и ее жрецам ничуть не меньше ненависти к Киру.

Думы и солнце томили его.

Пыль забивала глаза и рот, и, когда он в ярости стискивал зубы, на них скрипел песок. От слепящих солнечных лучей туманилось зрение. После долгого стояния затекли ноги. Спина и грудь изнывали под кожаным нагрудником, предохранявшим от смертоносного удара мечом. Голова разламывалась под металлическим шлемом.

Закаленный воин, он не роптал, но в душе ему не терпелось поскорее добраться до места, где вдоль берегов Евфрата простирались рощи и где он мог в тени густых деревьев дать желанный отдых себе и лошадям.

На всем пространстве, куда хватает взгляда, волной колыхнется золото хлебов, суля обильный урожай и полные закрома зерна, ценностью своей не уступающего красивейшим дорогим камням в кладовых Этеме-

нанки. Тихий шорох колосьев напоминал нежный говор воды, которая лилась из львиных пастей в бассейны на площадях Вавилона. Лет птиц над необозримыми полями вызывал ощущение непрерывного бега жизни самого могущественного в мире народа.

За безбрежными полями волнующихся хлебов раскинулись поля кунжута и чечевицы. Рядами тянулись полосы льна, бахчи с дынями и арбузами. На темени холмов росли отборные сорта винограда. Плантации белых и красных роз наполняли окрестности нежным благоуханием.

У границ Аравийской пустыни, где кончалась благодатная сеть оросительных каналов, луга и пастбища перемежались рощами и стройными рядами миндальных деревьев. В дни Таммуза, бога плодородной весны, весь этот край утопает в цветах, подобно райским кушам, воздух настоян на ароматах роз и будит изначальное беспокойство в крови людей.

К этим рощам спешил усталый Набусардар, который с восхода солнца объезжал деревни вдоль русла Евфрата, отражающего в своих водах гигантские пальмы, униженные гроздьями тяжелых блестящих фиников.

Лошади, приметивши их зелень, перешли на стремительный галоп и остановились, только попав в тень деревьев.

Набусардар не тотчас спрыгнул с колесницы. Предварительно он со своего возвышения окинул внимательным взглядом окрестности. Не снял он и шлема с головы. И кожаного нагрудника не расстегнул из предосторожности — вдруг кто-то подстерегает его здесь с недобрыми умыслами.

Только убедившись, что в лесу все мирно, он облегченно перевел дух и намотал вожжи на металлический щиток передка колесницы, на котором была запечатлена битва великого Навуходоносора под стенами Тира.

Приподняв шлем, он вытер пот и снова водрузил шлем на голову. Это был обычный солдатский шлем, вместо пышного султана украшенный лишь металлическим гребнем.

Фигули М.

- Ф 49 Вавилон : роман / Маргита Фигули ; пер. со сл. И. Богдановой, Ю. Богданова, И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 832 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-17199-2

Маргита Фигули (1909–1995) — знаменитая словацкая писательница и поэтесса, чей роман «Вавилон» переведен на десятки языков мира. Роман о падении Вавилонского царства был написан в 1943 году (опубликован в 1946 году), во время Второй мировой войны, и читался тогда как притча о трусости европейских элит, которые не решались сопротивляться неминуемому германскому нашествию. Но прежде всего это живое и увлекательное историческое повествование, в котором перед читателем предстает гордый и великий город, центр одной из самых древних и загадочных цивилизаций прошлого. Прекрасный город еще сохраняет свое величие, но его жители уже предчувствуют надвигающуюся опасность со стороны персидского царя Кира. Романтическая линия в романе посвящена любви крестьянской девушки Нанаи и Набусардара — аристократа, верховного военачальника вавилонской армии, руководящего обороной города. Туго связанные в один узел сюжетные линии обещают читателю мастерски выстроенное повествование, которое не оставит равнодушными даже искушенных знатоков древней истории.

УДК 821.162.4

ББК 84(4Сло)-44

Литературно-художественное издание

МАРГИТА ФИГУЛИ
БАВИЛОН

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.09.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 36,66. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-VAK-25702-01-R